

**ИСТОРИЯ СЕЛА
ГОРЮХИНА**

4

Горький, А. И.
Библиотека
Собрания
им. В. И. Ленина

LIBRARY
MUSEUM OF THE
CITY OF BOSTON

ИСТОРИЯ СЕЛА ГОРЮХИНА

СОЧИНЕНИЕ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА

ИЗДАНИЕ
ГАЗЕТЫ НИЖЕГОРОДСКАЯ КОММУНА
1928

025504

Отпечатано в типогр. Нижполиграф,
Нижний-Новгород, 15 декабря 1928.
Тираж 3250 экз. Нижегород. № 3021.
Заказ № 1968.

* ИСТОРИЯ *
СЕЛА ГОРЮХИНА

Если бог пошлет мне читателей, то, может быть, для них будет любопытно узнать, каким образом решился я написать историю села Горюхина. Для того должен я войти в некоторые предварительные подробности.

Я родился от честных и благородных родителей в селе Горюхине 1801 года апреля 1 числа и первоначальное образование получил отнашего дядька. Сему-то почтенному мужу обязан я впоследствии развившейся во мне охотой к чтению и вообще занятиям литературным. Успехи мои хотя были медленны, но благонадежны, ибо на десятом году от роду

я знал уже почти все то, что поныне осталось у меня в памяти от природы слабой и которую, по причине столь же слабого здоровья, не дозволяли мне излишне отягощать.

Звание литератора всегда казалось для меня самым завидным. Родители мои, люди почтенные, но простые и воспитанные по старинному, никогда ничего не читывали, и во всем доме, кроме азбуки, купленной для меня, календарей и новейшего письмовника, никаких книг не находилось. Чтение письмовника долго было любимым моим упражнением. Я знал его наизусть и, несмотря на то, каждый день находил в нем новые, незамеченные красоты. После генерала . . ., у которого батюшка был некогда ад'ютантом, Курганов казался мне величайшим человеком. Я расспрашивал о нем у всех, и, к сожалению, никто не мог удовлетворить моему любопытству, никто не знал его лично, на все мои вопросы отвечали только, что Курганов сочинил новейший письмовник, что твердо знал я и прежде. Мрак неизвестности окружал его, как некоего древнего полубога; иногда я даже сомневался в истине его существования. Имя

его казалось мне вымышленным, и предание о нем пустою мифою, ожидавшею изыскания нового Нибура. Однако же он все преследовал мое воображение, я старался придать какой-нибудь образ сему таинственному лицу, и наконец решил, что должен он был походить на земского заседателя Корючкина, маленького старичка, с красным носом и сверкающими глазами.

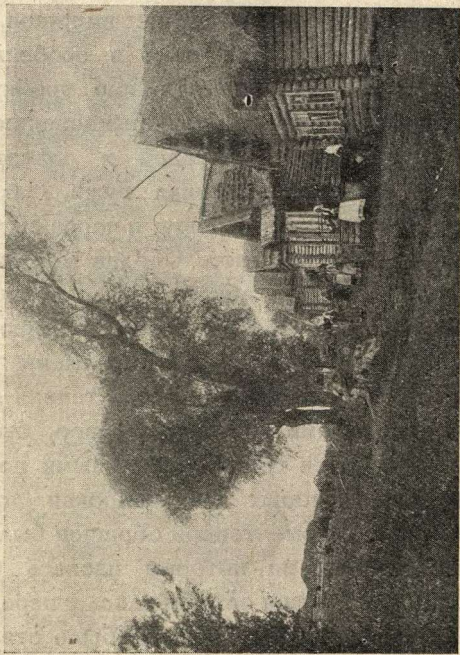
В 1812 году повезли меня в Москву и отдали в пансион Карла Ивановича Мейера — где пробыл я не более трех месяцев, ибо нас распустили перед вступлением неприятеля — я возвратился в деревню. По изгнании двенадцати языков, хотели меня снова везти в Москву посмотреть, не возвратился ли Карл Иванович на прежнее пепелище или, в противном случае, отдать меня в другое училище, но я упросил матушку оставить меня в деревне, ибо здоровье мое не позволяло мне вставать с постели в 7 часов, как обыкновенно заведено во всех пансионах. Таким образом достиг я 16-летнего возраста, оставаясь при первоначальном моем образовании и играя в лапту, — единственная наука, в коей приобрел я

достаточное познание во время пребывания моего в пансионе.

В сие время определился я юнкером в ** пехотный полк, в коем и находился до прошлого 18 .. года. Пребывание мое в полку оставило мне мало приятных впечатлений, кроме производства в офицеры и выигрыша 240 рублей в то время, как у меня в кармане всего оставалось рубль 6 гривен. Смерть дражайших моих родителей принудила меня подать в отставку и приехать в мою вотчину.

Сия эпоха жизни моей столь для меня важна, что я намерен о ней распространиться, заранее прося извинения у благосклонного читателя, если во зло употреблю снисходительное его внимание.

День был осенний и пасмурный. Прибыв на станцию, с которой должно было мне своротить на Горюхино—нанял я вольных и поехал проселочною дорогой. Хотя я нрава от природы тихого, но нетерпение увидеть вновь места, где провел я лучшие свои годы, так сильно овладело мной, что я поминутно погонял моего ямщика, то обещая ему на водку, то угрожая побоями, и—как удобнее

Болдино, Лукоянов. уезда, Нижегород. губ., бывш. имение А. С. Пушкина.

было мне толкать его в спину, нежели вынимать и развязать кошелек, то, признаюсь,— раз а три и ударил его, что от роду со мной не случилось, ибо сословие ямщиков, сам не знаю почему, для меня в особенности любезно. Ямщик погонял свою тройку, но мне казалось, что он, по обыкновению ямскому, уговаривая лошадей и размахивая кнутом, всетаки затягивал гужи. Наконец, завидел горюхинскую рошу; и через 10 минут в'ехал на барский двор. Сердце мое сильно билось—я смотрел вокруг себя с волнением неописанным. 8 лет не видел я Горюхина. Березки, которые при мне посажены были около забора, выросли и стали теперь высокими, ветвистыми деревьями. Двор, бывший некогда украшен тремя правильными цветниками—меж которых шла широкая дорога, усыпанная песком—теперь обращен был в некошенный луг, на котором паслась бурая корова. Бричка моя остановилась у переднего крыльца. Человек мой пошел было отворить двери, но они были заколочены, хотя ставни были открыты и дом казался обитаемым. Баба вышла из людской избы и спросила,

кого мне надобно. Узнав, что барин приехал, она снова побежала в избу, и вскоре дворня меня окружила. Я был тронут до глубины сердца, увидя знакомые и незнакомые лица—и дружески со всеми ими целуясь: мои потешные мальчишки были уже мужиками, а сидевшие некогда на полу для посылок девченки замужними бабами. Мужчины плакали. Женщинам говорил я без церемонии: как ты постарела—и мне отвечали с чувством—как вы-то, батюшка, подурнели. Повели меня на заднее крыльцо, навстречу мне вышла моя кормилица и обняла меня с плачем и рыданием, как многострадального Одиссея. Побежали топить баню. Повар, ныне в бездействии отрастивший себе бороду, вызвался приготовить мне обед, или ужин—ибо уже смеркалось. Тотчас очистили мне комнаты, в коих жила кормилица с девушками покойной матушки, и я очутился в смиренной отеческой обители и заснул в той самой комнате, в которой за 23 года тому родился.

Около трех недель прошло для меня в хлопотах всякого рода—я возился с заседателями, предводителями и всевозможными

губернскими чиновниками. Наконец принял я наследство и был введен во владение отчиной. Я успокоился, но скоро скука бездействия стала меня мучить. Я не был еще знаком с добрым и почтенным соседом моим **. Занятия хозяйственные были вовсе для меня чужды. Разговоры кормилицы моей, произведенной мною в ключницы и управительницы, состояли счетом из 15 домашних анекдотов, весьма для меня любопытных, но рассказываемых ею всегда одинаково, так что она сделалась для меня другим новейшим письмовником, в котором я знал, на какой странице какую найду строчку. Настоящий же заслуженный письмовник был мною найден в кладовой, между всякой рухлядью, в жалком состоянии. Я вынес его на свет, и принялся было за него, но Курганов потерял для меня прежнюю свою прелесть, я прочел его еще раз и больше уже не открывал.

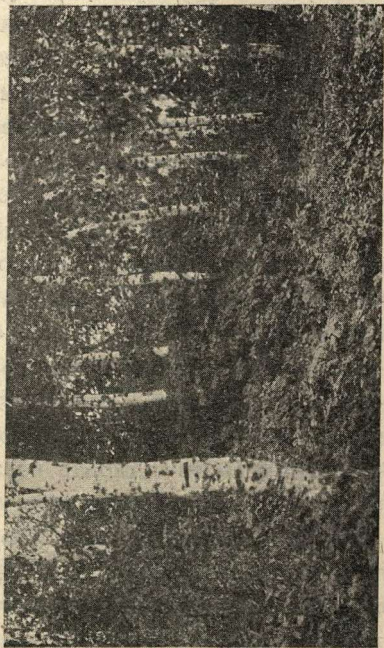
В сей крайности пришло мне на мысль: не попробовать ли самому что-нибудь сочинить? Благосклонный читатель знает уже, что воспитан я был на медные деньги и что не имел я случая приобрести сам собою то,

что было раз упущено, до шестнадцати лет, играя с дворовыми мальчишками, а потом переходя из губернии в губернию, из квартиры на квартиру, проводя время с жидами да с маркитантами, играя на ободранных бильярдах и маршируя в грязи.

К тому же быть сочинителем казалось мне так мудро, так недосыгаемо нам, непосвященным, что мысль взяться за перо сначала испугала меня. Смел ли я надеяться попасть когда-нибудь в число писателей, когда уже пламенное желание мое встретиться с одним из них никогда не было исполнено? Но это напоминает мне случай, который намерен я рассказать в доказательство всегдашней страсти моей к отечественной словесности.

В 1820 году еще юнкером случилось мне быть по казенной надобности в ПБ. Я прожил в нем неделю и, несмотря на то, что не было там у меня ни одного знакомого человека, провел время чрезвычайно весело; каждый день тихонько ходил я в театр, в галерею 4-го яруса. Всех актеров узнал по имени, и страстно влюбился в **, играющую с большим искусством в одно воскресенье роль

Амалии в драме Ненависть к людям и раскаяние. Утром, возвращаясь из Главного Штаба, заходил я обыкновенно в низенькую конфетную лавку, и за чашкой шоколаду читал литературные журналы. Однажды сидел я углубленный в критическую статью Благонameranного; некто в гороховой шинели ко мне подошел и из-под моей книжки тихонько потянул листок Гамбургской Газеты. Я так был занят, что не поднял и глаз. Незнакомый спросил себе бифштексу и сел передо мною; я все читал, не обращая на него внимания; он между тем позавтракал, сердито побранил мальчика за неисправность, выпил полбутылки вина и вышел. Двое молодых людей тут же завтракали. «Знаешь ли, кто это был?»—сказал один другому,—«это Б., сочинитель». «Сочинитель!»—воскликнул я невольно—и, оставя журнал недочитанным и чашку недопитую, побежал расплачиваться и, не дождав-шись сдачи, выбежал на улицу. Смотря во все стороны, увидел я издали гороховую шинель и пустился за нею по Невскому проспекту—только что не бегом. Сделав несколько шагов, чувствую вдруг, что меня

Болдино, Лукоянов. уезда, Нижегород. губ., бывш. имение А. С. Пушкина.

останавливают—оглядываюсь, гв. офицер заметил мне: что-де мне следовало не толкнуть его с тротуара, но скорее остановиться и вытянуться. После сего выговора я стал осторожнее; на беду мою, поминутно встречались мне офицеры, я поминутно останавливался, а сочинитель все уходил от меня вперед. От роду моя солдатская шинель не была мне столь тягостною—от роду эполеты не казались мне столь завидными. Наконец у самого Аничкина моста догнал я гороховую шинель. «Позвольте спросить»,—сказал я, приставя ко лбу руку,—«вы г. Б., коего прекрасные статьи имел я счастье читать в Соревнователе Просвещения». «Никак нет-с»,—отвечал он мне,—«я не сочинитель, а стряпчий, но ** мне очень знаком: четверть часа тому я встретил его у Полицейского мосту».

Таким образом уважение мое к русской литературе стоило мне 30 копеек потерянной сдачи, выговора по службе и чуть-чуть не ареста—а все даром.

Несмотря на все возражения моего рассудка, дерзкая мысль сделаться писателем поминутно приходила мне в голову. Наконец,

025504

не будучи более в состоянии противиться влечению природы, я сшил себе толстую тетрадь и решился с твердым намерением наполнить ее чем бы то ни было. Все роды поэзии (ибо о смиренной прозе я еще и не помышлял) были мною разобраны, оценены и я непременно решился на эпическую поэму, почерпнутую из Отечественной Истории. Не долго искал я себе героя. Я выбрал Рюрика—и принялся за работу.

К стихам приобрел я некоторый навык, переписывая тетрадки, ходившие по рукам между нашими офицерами, именно: Опасного Соседа, Критику на Московский Бульвар, на Пресненские пруды и т. п. Несмотря на то, поэма моя подвигалась медленно, и я бросил ее на третьем стихе. Я думал, что эпический род не мой род, и начал трагедию Рюрик. Трагедия не пошла. Я попробовал обратить ее в балладу, но и баллада как-то мне не давалась. Наконец вдохновение озарило меня, я начал и благополучно окончил надпись к портрету Рюрика.

Несмотря на то, что надпись моя была не вовсе недостойна внимания, особенно как

первое произведение молодого стихотворца, однако ж я почувствовал, что я не рожден поэтом, и довольствовался сим первым опытом. Но творческие мои попытки так привязали меня к литературным занятиям, что уже не мог я расстаться с тетрадью и чернильницей. Я хотел низойти к прозе. На первый случай, не желая заняться предварительным изучением, расположением плана, скреплением частей и т. п., я вознамерился писать отдельные мысли, без связи, без всякого порядка, в том виде, как они мне станут представляться. К несчастью, мысли не приходили мне в голову—и в целые 2 дня надумал я только следующее замечание:

Человек, не повинующийся законам рассудка и привыкший следовать внушениям страстей, часто заблуждается и подвергает себя позднему раскаянию.

Мысль, конечно, справедливая, но уже не новая. Оставя мысли, принялся я за повести, но, не умея с непривычки расположить вымышленное происшествие, я избрал замечательные анекдоты, некогда мною слышанные от разных особ, и старался украсить истину

живостию рассказа, а иногда и цветом собственного воображения. Составляя сии повести, мало-по-малу образовал я свой слог и приучил выражаться правильно, приятно и свободно. Но скоро запас мой истощился, и я стал опять искать предмета для литературной моей деятельности.

Мысль оставить мелочные и сомнительные анекдоты для повествования истинных и великих происшествий давно тревожила мое воображение. Быть судиею, наблюдателем и пророком веков и народов казалось мне высшею степенью, доступной для писателя. Но какую историю мог я написать с моей жалкой образованностью, где бы не предупредили меня многоученые, добросовестные мужи? Какой род истории не истощен уже ими? Стану ль писать историю всемирную—но разве не существует уже бессмертный труд аббата Милота? Обращусь ли к истории отечественной, что скажу я после Татищева, Болтина и Голикова? И мне ли рыться в летописях и добираться до сокровенного смысла оветшалого языка, когда не мог я выучиться славянским цифрам. Я думал об истории

меньшего объема—напр., об истории губернского нашего города; но и тут сколько препятствий для меня неодолимых! Поездка в город, визиты к губернатору и к архиерею, просьба о допущении в архивы и в монастырские кладовые и проч. История уездного нашего города была бы для меня удобнее, но она не была занимательна ни для философа, ни для прагматика, и представляла мало пищи красноречию. *** был переименован в город в 17** году, и единственное замечательное происшествие, сохранившееся в его летописях, есть ужасный пожар, случившийся десять лет тому назад и истребивший базар и присутственные места.

Нечаянный случай разрешил мои недоумения. Баба, развешивая белье на чердаке, нашла старую корзину, наполненную щепками, сором и книгами. Весь дом знал охоту мою к чтению. Ключница моя в то самое время, как я, сидя за моей тетрадью, грыз перо и думал об опыте сельских проповедей, с торжеством втащила корзину в мою комнату, радостно восклицая: «Книги! Книги!» «Книги!»—повторил я с восторгом и бросился

к корзинке. В самом деле, я увидел целую груду книг в зеленом и синем бумажном переплете—это было собрание старых календарей. Сие открытие охладило мой восторг, но все я был рад нечаянной находке: все же это были книги, и я щедро наградил усердие прачки полтиною серебром.

Оставшись наедине, я стал рассматривать свои календари, и скоро мое внимание было сильно ими привлечено. Они составляли непрерывную цепь годов от 1744 до 1799, т. е. ровно 55 лет. Синие листы бумаги, обыкновенно вплетаемые в календари, были все исписаны старинным почерком. Брося взор на сии строки, с изумлением увидел я, что они заключали не только замечания о погоде и хозяйственные счета, но также и известия краткие, исторические касательно села Горюхина. Немедленно занялся я разбором драгоценных сих записок и вскоре нашел, что они представляли полную историю моей отчины в течение почти целого столетия в самом строгом хронологическом порядке. Сверх сего заключали они неисощимый запас экономических, статистических, метеорологиче-

ских и других ученых наблюдений. С тех пор изучение сих записок заняло меня исключительно—ибо увидел я возможность извлечь из них повествование стройное, любопытное и поучительное.

Ознакомясь довольно с драгоценными сими памятниками, я стал искать новых источников истории села Горюхина. И вскоре обилие оных изумило меня. Посвятив целые шесть месяцев на предварительное изучение, наконец приступил я к давно желанному труду—и с помощью божиею совершил оный сего ноября 3 дня 1827 г. Ныне, как некоторый мне подобный историк, коего имени я не запомню, окончив свой трудный подвиг, кладу перо и с грустию иду в мой сад размышлять о том, что мною совершено. Кажется и мне, что, написав историю Горюхина, я уже не нужен миру, что долг мой исполнен и что пора мне опочить.

Здесь прилагаю список источников, послуживших мне к составлению истории Горюхина:

1. Собрание старинных календарей, 54 части. Первые 20 частей исписано старинным почерком с титлами. Летопись сия сочинена пра-

дедом моим Андреем Степановичем Белкиным. Они отличаются ясностью и краткостью слога, напр.: 4 мая. Снег. Тришка за грубость бит. 6—корова бурая пала. Сенька за пьянство бит. 8—погода ясная. 9—дождь и снег. Тришка бит по погоде, и т. п., безо всяких размышлений. 11—погода ясная. Пороша; затравил трех зайцев. Остальные 35 частей писаны разными почерками, большею частью так называемым лавочничьим, с титлами и без титлов, вообще плодovито, несвязно и без соблюдения правописания. Кой-где заметна женская рука. В сие отделение входят записки деда моего Ивана Андреевича Белкина и бабки моей, а его супруги, Евпраксии Алексеевны—также и записки приказчика Горбовицкого.

2. Летопись горюхинского дьячка. Сия любопытная рукопись отыскана мною у моего попа, женатого на дочери летописца. Первые листы были выдраны и употреблены детьми священника на так называемые змеи. Один из таковых упал посреди моего двора. Я поднял его и хотел было возвратить детям, как заметил, что он был исписан. С первых

строк увидел я, что змей составлен был из летописи—к счастью, успел спасти оставшее. Летопись сия, приобретенная мною за четверть овса, отличается глубокомыслием, велеречием необыкновенным.

3. Изустные предания. Я не пренебрегал никакими известиями. Но в особенности обязан Аграфене Трифоновой, матери Авдея старосты, бывшей, говорят, любовницею приказчика Горбовицкого.

4. Ревижские сказки, с замечаниями прежних старост (счетные и расходные книги) касательно нравственности и состояния крестьян.

Страна по имени столицы своей, Горюхиным называемая, занимает на земном шаре более 240 десятин. К северу граничит она с деревнями Дериуховом и Перкуховом, коего обитатели бедны, тощи и малорослы, а гордые владельцы преданы воинственному упражнению заячей охоты; к югу река Сивка отделяет ее от владений Карачевских вольных хлебопашцев—соседей беспокойных, известных буйной жестокостью нравов; к западу облегают ее цветущие поля Захарьинские, благоден-

ствующие под властью мудрых и просвещенных помещиков—к востоку примыкает она к диким, необитаемым местам, к непроходимому болоту, где произрастает одна клюква, где раздается лишь однообразное кваканье лягушек и где суеверное предание предполагает быть обиталищу некоего беса.

NB. Сие болото и называется Бесовским. Рассказывают, будто одна полуумная пастушка стерегла стадо свиней недалеко от сего уединенного места. Она сделалась беременною и никак не могла удовлетворительно объяснить сего случая. Глас народный обвинил болотного беса,—но сия сказка недостойна внимания историка, и после Нибура непротительно было бы тому верить.

Издравле Горюхино славилось своим плодородием и благорастворенным климатом. На тучных его нивах—рожь, овес, ячмень и гречиха рождаются. Березовая роща и еловый лес снабжают обитателей деревьями и валежником на построение и отопку жилищ. Нет недостатка в орехах, клюкве, бруснике и чернике. Грибы произрастают в необыкновенном количестве; изжаренные в сметане представляют приятную,

хотя и нездоровую пищу. Пруд наполнен карасями, а в реке Сивке водятся щуки и налимы.

Обитатели Горюхина большею частью росту среднего, сложения крепкого и мужественного, глаза их серы, волосы русые или рыжие. Женщины отличаются носами, поднятыми несколько вверх, выпуклыми скулами, дородностию.

NB. Баба здоровенная, сие выражение встречается часто в примечаниях старосты к ревижским сказкам.

Мужчины добронравны, трудолюбивы (особенно на своей пашне), храбры, воинственны: многие из них ходят одни на медведя, и славятся в околотке кулачными бойцами; все вообще склонны к чувственному наслаждению пьянства. Женщины сверх домашних работ разделяют с мужчинами большую часть их трудов и не уступят им в отважности, редкая из них боится старосты. Они составляют мощную общественную стражу, неусыпно бодрствующую на барском дворе, и называются копейщицами (от славянского слова копье). Главная обязанность копейщиц—как можно чаще бить камнем в чугунную доску и тем устрашать злоумышление. Они столь

же целомудренны, как и прелестны; на покушения дерзновенного отвечают сурово и выразительно.

Жители Горюхина издавна производят обильный торг лыками, лукошками и лаптями. Сему способствует река Сивка, через которую весною переправляются они на челноках, подобно древним скандинавам, а прочее время года переходят в брод, предварительно засучив портки до колена.

Язык горюхинский есть решительно отрасль славянского, но столь же разнится от него, как и русский. Он исполнен сокращениями и усечениями—некоторые буквы вовсе в нем уничтожены или заменены другими. Однако ж россиянину легко понять горюхинца обыкновенно.

Мужчины женились обыкновенно на 13-м году на девицах 20-летних. Жены били своих мужей в течение 4 или 5 лет. После чего мужья уже начинали бить жен; и таким образом оба пола имели свое время власти и равновесие было соблюдено.

Обряды похорон происходили следующим образом: в самый день смерти покойника

относили на кладбище—дабы мертвый в избе не занимал напрасно лишнего места. От сего случалось, что к неописанной радости родственников мертвец чихал или зевал в ту самую минуту, как его выносили в гробе за околицу. Жены оплакивали мужьев, воя и приговаривая: «Свет-моя удалая головушка! На кого ты меня покинул? Чем-то мне тебя поминать?» При возвращении с кладбища начиналася тризна в честь покойника, и родственники и друзья бывали пьяны 2—3 дня или даже целую неделю, смотря по усердию и привязанности к его памяти. Сии древние обряды сохранились и поныне.

Одежда горюхинцев состояла из рубахи, надеваемой сверх порток, что есть отличительный признак их славянского происхождения. Зимой носили они овчинный тулуп, но более для красоты, нежели из настоящей нужды—ибо тулуп обыкновенно накидывали они на одно плечо и сбрасывали при малейшем труде, требующем движения.

Науки, искусства и поэзия издревле находились в Горюхине в довольно цветущем состоянии. Сверх священника и церковных причетни-

ков, всегда водились в нем грамотеи. Летопись упоминает о земском Терентии, жившем около 1767 году, умевшем писать не только правой, но и левою рукою. Сей необыкновенный человек прославился в околотке сочинением всякого рода писем, челобитьев, партикулярных пашпортов и т. п. Неоднократно пострадав за свое искусство, услужливость и участие в разных замечательных происшествиях, он умер уже в глубокой старости, в то самое время, как приучался писать правою ногою, ибо почерка обеих рук его были уже слишком известны. Он играет, как читатель увидит, важную роль в истории Горюхина.

Музыка была всегда тоже любимое искусство образованных горюхинцев; балалайка и волынка, услаждая чувствительные сердца, поныне раздаются в их жилищах, особенно в древнем общественном здании, украшенном елкою и изображением двуглавого орла.

Поэзия некогда процветала в древнем Горюхине. До ныне стихотворения Архипа-Лысого сохранились в памяти потомства.

В нежности не уступят они эклогам известного Виргилия, в красоте воображения

далеко превосходят они идиллии г-на Сумарокова. И хотя в щеголеватости слога и уступают новейшим произведениям наших муз, но равняются с ними затейливостью и остроумием.

Приведем в пример сие сатирическое стихотворение:

Ко боярскому двору
Антон староста идет, (2),
Бирки в пазухе несет, (2),
Боярину подает,
А боярин смотрит,
Ничего не смыслит.
Ах ты, староста Антон,
Обокрал бояр кругом,
Село по миру пустил,
Старостиху надарил.

Образ правления в Горюхине несколько раз изменялся. Оно попеременно находилось под властью старшин, выбранных миром, приказчиков, назначенных помещиками, и наконец непосредственно под рукою самих помещиков. Выгоды и невыгоды сих различных образов правления будут развиты мною в течение моего повествования.

Познакомя таким образом моего читателя с этнографическим и статистическим состоянием Горюхина и со нравами и обычаями его обитателей, приступим теперь к самому повествованию.

* БАСНОСЛОВНЫЕ *

ВРЕМЕНА

СТАРОСТА ТРИФОН

Оснoвание Горюхина и первоначальное население оногo покрыто мраком неизвестности. Темные предания гласят, что некогда Горюхино было село богатое и обширное— что все жители оногo были зажиточны,— что оброк собирали единожды в год и отсылали неведомо кому на нескольких возах. В то время все покупали дешево, и дорого продавали. Приказчиков на существовало; старосты никого не обижали; обитатели работали мало, а жили припеваючи, и пастухи стерегли

стадо в сапогах. Мы не должны обольщаться сею очаровательною картиною. Мысль о золотом веке сродна всем народам и доказывает только, что люди никогда не довольны настоящим и, по опыту имея мало надежды на будущее, украшают невозвратимое минувшее всеми цветами своего воображения. Вот что достоверно:

Село Горюхино издревле принадлежало знаменитому роду Белкиных. Но предки мои, владея многими другими отчинами, не обращали внимания на сию отдаленную страну. Горюхино платило малую дань и управлялось старшинами, избираемыми народом на вече, мирскою сходкою называемом.

Но в течение времени родовые владения Белкиных раздробились и пришли в упадок. Обедневшие внуки богатого деда не могли отвыкнуть от роскошных своих привычек— и требовали прежнего полного дохода от имения, в десять крат уже уменьшившегося. Грозные предписания следовали одно за другим. Староста читал их на вече—старшины витийствовали, мир волновался,—а го-спода, вместо двойного оброку, получали

лукавые отговорки и смиренные жалобы, писанные на засаленной бумаге и запечатанные грошом.

Мрачная туча висела над Горюхиным, а никто об ней и не помышлял. В последний год властвования Трифона, последнего старосты, народом избранного, в самый день храмового праздника, когда весь народ шумно окружал увеселительное здание (кабаком в просторечии именуемое), или бродил по улице, обнявшись между собою и громко воспевая песни Архипа-Лысого, в'ехала в село плетеная, крытая бричка, заложенная парою кляч едва живых. На козлах сидел оборванный жид, а из брички высунулась голова в картузе и, казалось, с любопытством смотрела на веселящийся народ. Жители встретили повозку смехом и грубыми насмешками. (NB. Свернув трубкою воскраия одежд, безумцы глумились над еврейским возницею и восклицали смехотворно: «Жид, жид, ешь свиное ухо!..» Летописьгорюхинского дьячка). Но сколь изумились они, когда бричка остановилась посреди села и когда приезжий, выпрыгнув из нее, повелительным голосом

потребовал старосту Трифона. Сей сановник находился в увеселительном здании, откуда двое старшин почтительно вывели его под руки. Незнакомец, посмотрев на него грозно, подал ему письмо и велел читать оное немедленно. Старосты горюхинские имели обыкновение никогда ничего сами не читать. Староста был неграмотен. Послали за земским Авдеем. Его нашли неподалеку, спящего в переулке под забором—и привели к незнакомцу по просыпе. Но, или от внезапного испуга, или от горестного предчувствия, буквы письма, четко написанного, показались ему отуманенными, и он не был в состоянии их разобрать. Незнакомец старосту Трифона и земского Авдея с ужасными проклятиями отослал спать, отложив чтение письма до завтрашнего дня и пошел в приказную избу, куда жид понес за ним и его маленький чемодан.

Горюхинцы с безмолвным изумлением смотрели на сие необыкновенное происшествие; но вскоре бричка, жид и незнакомец были забыты. День кончился шумно и весело—и Горюхино заснуло, не предвидя, что ожидало его.

С восходом утреннего солнца жители были пробуждены стуком в окошки с призыванием на мирскую сходку. Граждане один за другим явились на двор приказной избы, служивший вечевою площадью. Глаза их были мутны и красны, лица опухли; они, зевая и почесываясь, смотрели на человека в картузе, в старом голубом кафтане, важно стоявшего на крыльце приказной избы,—и старались припомнить себе черты его, когда-то ими виденные. Староста и земский Авдей стояли подле него без шапки с видом подобострастия и глубокой горести. «Все ли здесь?»—спросил незнакомец. «Все ли-ста здесь?»—повторил староста. «Все-ста»,—отвечали граждане. Тогда староста об'явил, что от барина получена грамота, и приказал земскому прочесть ее во всеуслышание мира. Авдей выступил и громогласно прочел следующее. (NB. Грамоту грозноещую сию списал я у Трифона старосты, у него же хранилася она в кивоте вместе с другими памятниками владычества его над Горюхиным,—я не мог сам отыскать сего любопытного письма).

ТРИФОН ИВАНОВ

Вручитель письма сего, поверенный мой **, едет в отчину мою село Горюхино для поступления в правление оною. Немедленно по его прибытию собрать мужиков и объявить им мою барскую волю, а именно: приказаний поверенного моего ** им, мужикам, слушаться как моих собственных. А все, чего он ни потребует, исполнять беспрекословно, в противном случае имеет он ** поступать с ними со всевозможною строгостию. К сему понудило меня их бессовестное непослушание, и твое, Трифон Иванов, плутовское потворство.

Подписано NN.

Тогда **, растопыря ноги на подобие буквы хера и подбочась на подобие ферта—произнес следующую краткую и выразительную речь: «Смотрите ж вы у меня, не очень умничайте—вы, я знаю, народ избалованный; да я выбью дурь из ваших голов небось скорее вчерашнего хмеля». Хмеля ни в одной голове уже не было, горюхинцы, как громом пораженные, повесили носы—и с ужасом разошлись по домам.

ПРАВЛЕНИЕ ПРИКАЗЧИКА **

** принял бразды правления и приступил к исполнению своей политической системы; она заслуживает особенного рассмотрения.

Главным основанием оной была следующая аксиома: чем мужик богаче, тем он избалованнее — чем беднее, смиреннее. Вследствие сего ** старался о смирности вотчины, как о главной крестьянской добродетели. Он потребовал опись крестьянам, разделил их на богачей и бедных. 1) Недоимки были разложены на всех зажиточных мужиков и взыскаемы с них со всевозможною строгостию. 2) Недостаточные и празднолюбивые гуляки были немедленно посажены на пашню — если же по его расчетам труд их оказывался недостаточным, то он отдавал их в батраки другим крестьянам, за что сии платили ему добровольную дань, а отдаваемые в холопство имели полное право откупаться — заплатя сверх недоимок двойной годовой оброк. Всякая общественная повинность падала на зажиточных мужиков. Рекрутство же было торжеством корыстолюбивому правителю; ибо от оногo по очереди откупа-

лись все богатые мужики, пока, наконец, выбор не падал на негодяя или разоренного. Мирские сходки были уничтожены. Оброк собирал он понемногу и круглый год сряду. Сверх того завел он нечаянные сборы. Мужики, кажется, платили и не слишком более противу прежнего, но никак не могли ни наработать, ни накопить достаточно денег. В три года Горюхино совершенно обнищало. Горюхино приуныло, базар запустел, песни Архипа-Лысого умолкли. Половина мужиков была на пашне, а другая служила в батраках; ребятишки пошли по миру—и день храмового праздника сделался, по выражению летописца, не днем радости и ликования, но годовщиною печали и поминания горестного.

(Посадил окаянный прикащик Антона Тимофеева в железы—а старик Тимофей сына откупил за 100 руб., а прикащик заковал Петрушку Еремеева, и того откупил отец за 68 р. и хотел окаянный сковать Леху Тарасова, но тот бежал в лес—и прикащик о том вельми крушился и свирепствовал во словесах—а отвезли в город и отдали в рекруты Ваньку пьяницу).

Faint, illegible text, possibly bleed-through from the reverse side of the page.

Faint, illegible text, possibly bleed-through from the reverse side of the page.

Зк.

25 коп.

бухгалтерский
№ 2/3

025